

Семь испытаний в Жарау. Бразильская народная сказка

Уже двести лет я пребываю здесь; я познал учение арабских мудрецов и сделал счастливыми тех немногих людей, которым хорошо известно, что человек является одновременно и властелином, и рабом...

Все эти годы я не спал, я не испытывал ни голода, ни жажды, ни скорби, ни радости...

Не останавливаясь, но и не чувствуя усталости, я хожу по чудесному дворцу, скрытому в горе Жарау, и втапываю в пыль слитки золота, а они рассыпаются под ногами, как рыхлая земля; дорожки в саду, которые я топчу с отвращением, выложены зелеными, желтыми, ярко-красными, голубыми, розовыми, фиолетовыми камнями... Когда же проходит волшебница, они превращаются в разноцветную радугу, каждый камень – в живой не оставляющий пепла огонек. Колодцы полны дублонов и унций, драгоценностей и доспехов. И все это золото Перу, Мексики и Минас Жераис (Минас Жераис – современный штат в Бразилии.), все сокровища, которые завоеваны королями Португалии, Кастилии и Арагона...

Но я гляжу на все эти богатства с отвращением, оттого, что у меня их так много, и оттого, что я не могу радоваться им как в те времена, когда я был таким же, как все люди, и так же, как все люди, нуждался и умирал от зависти; терпеливо переносил несчастья и не ценил того, что имел, стремясь получить то, что принадлежало другим...

Чары, держащие меня в заточении, дозволили мне сопровождать людей, сильных духом и чистых сердцем, решившихся попытать счастья в этой пещере Жарау, которая стала известна благодаря мне...

Многие, побывав в ней, уходили с изуродованной душой: одни умирали от обуявшего их страха, другие, обезумев, бродили по деревням, наводя на людей ужас, третьи уходили на равнины и жили там бок о бок с дикими животными...

Немногие выдержали выпавшие на их долю испытания. Но те, которые их выдержали, обретали все, о чем просили, а ведь величайшее из всех сокровищ – зачарованная мавританка – выполняет все свои обещания и не берет назад того, что дает...

И каждый, кто приходит сюда, оставляет выкуп за себя самого, чтобы все мы когда-нибудь обрели свободу...

Однако все, кто приходил, были надменны душою; все приходили сюда, влекомые алчностью, или ненавистью, или каким-либо иным пороком; ты был единственным, кто пришел сюда без дурных умыслов, и единственным, кто заговорил со мной, как сын божий...

Доселе ты был первым; когда же эти места в третий раз услышат приветствие христианина, колдовские чары разрушатся, потому что я раскаиваюсь... и подобно апостолу Петру, который трижды отрекся от Христа, но был прощен, я раскаиваюсь и я получу прощение.

На роду написано, что мое спасение придет таким образом; и, когда я буду расколдован, благодаря мне разрушатся и колдовские чары волшебной ящерицы; когда же это случится, пещера исчезнет вместе со всеми сокровищами, всеми драгоценными камнями, всеми монетами, всеми колдовскими тайнами, всеми приворотными зельями, всеми ядовитыми зельями и заколдованным, непобедимым оружием... все, все, все это дымом унесется сквозь отверстие в вершине горы и рассеется в розе ветров...

Ты, ты первый обратился ко мне как христианин.

Хорошо, когда человек силен духом и чист сердцем!.. Такой человек войдет в пещеру, прикоснется к волшебной палочке и выберет, что пожелает...

Человек, сильный духом и чистый сердцем! Перед тобой темное подземелье: входи! Входи! Там дует теплый ветер, который задувает огонь свечи... и налетает холодный, холодный ветер... он леденит, как иней.

Там нет никого... Но если ты хорошенько прислушаешься, ты услышишь человеческие голоса, они переговариваются между собой... но ты не поймешь, о чем они говорят, ибо говорят они на неведомых тебе языках; это рабы смуглой принцессы, это духи волшебной ящерицы... Там нет никого... Там никого не видно, но, как бы приглашая тебя, чья-то рука похлопает по плечу того, кто войдет сюда смело, и, как бы угрожая, толкнет того, кто в страхе попятится...

Человек, сильный духом и чистый сердцем! Если ты таким войдешь туда и таким пребудешь, ты получишь право желать и ты получишь желаемое!

Но управляй своей мыслью и удержи свой язык, ибо мысль человека возводит его на вершину мироздания, а язык человека принижает его...

Так входи же, человек, сильный духом и чистый сердцем!..

И гаушо спешил; он стреножил своего доброго коня и для вящей предосторожности привязал его к дереву камбуй, которое гнется, но не ломается; он отвязал шпоры, наточил длинный нож, перекрестился и подошел к пещере...

Он был молчалив и молча вошел в пещеру... Зачарованный ризничий встал и тенью растворился в тени деревьев.

Тишина застыла, как парящая в воздухе сова; тишина эта внушала страх...

А гаушо пошел вперед.

Он вошел в подземелье, которое едва виднелось за густым сплетением ветвей; в глубине его было совсем темно...

Он прошел по просторному коридору, который в конце разветвлялся на семь коридоров.

И все шел вперед.

Он пошел по одному из этих коридоров, поворачивая то налево, то направо, поднимался и спускался. И все время было темно. И все время было тихо.

Чья-то незримая рука похлопала его по плечу.

На каком-то перекрестке он услышал стук скрестившихся сабель, знакомый ему звон мечей.

Тут во тьме забрезжил свет, слабый, как огонек светлячка.

Тени людей сражались не на жизнь, а на смерть; ни угроз, ни проклятий не было в их глазах, но яростными были удары, которые они молча наносили друг другу...

Гаушо содрогнулся от ужаса, но тотчас услышал голос существа с бледным и грустным лицом:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Сильный духом и чистый сердцем...

Гаушо ринулся в самую гущу мечей, он чувствовал их лезвия, их острия, прикосновение тел дерущихся... И все же он гордо прошел среди них, не глядя по сторонам, но слыша вздохи и стоны сражающихся.

Чья–то рука легонько, как бы ласково и дружески, похлопала его по плечу.

В тишине подземелья гаушо слышал только звон своих шпор.

И он все шел вперед.

Он очутился в залитом мягким светом гроте, где совсем не было тени. Здесь, как в гнезде термитов, переплеталось бесчисленное множество дорог, шедших по всем направлениям; когда он пошел по одной из этих дорог, на первом же повороте его окружили ягуары и пумы, жаркое дыхание вырывалось из их открытых пастей, звери выпускали когти и яростно били хвостами...

Но он смело прошел среди них, чувствуя, что их жесткая шерсть касается его; прошел не спеша, но и не медля, и слышал позади рычание, замиравшее и не повторяемое эхом...

Незримая рука того, кого он не видел, по кто, несомненно, шел с ним рядом, все время ласково похлопывала его по плечу, не подталкивая, но направляя его вперед, и только вперед...

Опять показался свет, зеленовато–желтый огонек светлячка...

А гаушо все шел вперед.

Перед ним был спуск; внизу была круглая площадка, вся усыпанная костями. Здесь было множество скелетов, они стояли стоймя, прислонившись друг к другу и согнувшись словно от усталости; на земле валялись оторванные части скелетов: отвалившиеся черепа с белевшими зубами, с пустыми глазницами; как бы танцующие ноги; позвоночники и ребра двигались – одни ритмично, другие беспорядочно...

Правая рука гаушо поднялась было, чтобы сотворить крестное знамение... но – сильный духом и чистый сердцем, он решительно прошел между скелетами, чувствуя запах тления, который издавали гниющие кости.

И снова ласковая рука похлопала гаушо по плечу...

А он все шел вперед.

Дорога стала круто подниматься вверх, но он преодолел подъем не учащая дыхания; чуть в стороне было некое подобие печи; он должен был пройти сквозь нее, а внутри нее играли буйные, красные языки пламени, словно в печь подбрасывали ветки дерева няндувай; струи воды, бьющие из стен, били в пламя, и шипя, и вскипая, испарялись; дул сильный ветер, вздувавший огонь и воду, и было бы величайшей дерзостью ворваться в этот вихрь...

Но гаушо прошел сквозь него, ощущая жар пламени...

И снова незримая рука похлопала его по плечу, как бы желая сказать: "Молодец!"

А он все шел вперед.

Он потерял счет времени и шел куда глаза глядят; тишина угнетала его; вдруг забрезжил тусклый свет, и в этом свете он разглядел на дороге свернувшееся клубком пятнистое, толстое тело; по земле бил хвост с гремушкой на конце, огромной, как яйцо птицы теу–теу.

Это была гремучая змея, страж той дороги; она поднимала узкую головку и высовывала черный язык, устремив на человека взгляд своих немигающих горящих глаз, черных, как бархатные пуговицы...

С ее двух кривых зубов, длинных, как рога годовалого бычка, капала черная жидкость: то был яд, накопившийся от длительного поста...

Змея – проклятая гремучая змея – извивалась, трещала гремушкой, словно предупреждая об опасности, и высовывала язык, словно дразня.

Обильный пот выступил на лбу у нашего друга... но он пошел вперед, не глядя на змею, но видя, как она поднялась на хвосте и упала на землю, плоская и дрожащая... пошел вперед, слыша треск гремушки, который долго стоит в ушах, и свист, который невозможно забыть...

Это было пятое испытание храбрости, из которого он, сильный духом и чистый сердцем, вышел победителем; и тогда летающая рука погладила его по голове и уже совсем дружески похлопала по плечу.

И гаушо все шел и шел вперед.

Он вышел на луг, поросший пышной травой, от которой веяло сладким, доселе неведомым ему ароматом; всюду росли пышно цветущие, изобилующие плодами деревья, на их ветвях весело щебетали птички с ярким оперением, тут же резвились ручные оленята, распевали птицы капоророки, было здесь множество и других птиц и зверей, радующих глаз, а в центре луга по травянистому склону холма протекал ручеек, сначала тонкий, как ниточка, набиравший силу и затем превращавшийся в речушку и бурливший у широкого песчаного берега, разбрасывая брызги, белые, как серебряная пыль...

Тут он увидел хоровод девушек – одна другой краше! – веселый хоровод, который вышел из рощи, окружил гаушо и стал оболащать его, беднягу, который только и видел, что жен пастухов.

Одни были одеты в сплетенные из цветов гирлянды, другие – в одежды, сплетенные из нитей бисера, третьи прикрывались своими распущенными волосами; одни подносили ему наполненные благоухающим напитком причудливой формы стеклянные сосуды, запотевшие от холода, другие танцевали, покачивая бедрами в такт, словно под музыку, третьи прельщали его красотой своего тела и расстилали на земле мягкие циновки, откровенно и лукаво приглашая его возлечь...

Однако гаушо прошел мимо них, хотя у него стучало в висках: ведь он дышал воздухом, который был пропитан злом...

Гаушо шел все дальше и дальше.

А как только он вошел в рощу, его тут же окружила толпа головастых и кривоногих карликов, из которых один был потешнее другого; все они кланялись, делали пируэты, танцевали фанданго, плясали на канатах, прыгали, как кузнечики, затевали драки и делали такие гримасы, какие могли делать только они одни...

Но гаушо прошел мимо них, даже не улыбнувшись...

Это седьмое испытание было последним.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И тогда перед ним возникло печальное, бледное лицо того, кто, несомненно, следовал за ним всюду, хоть и не помогал ему на этом трудном пути, и взял его за руку.

И гаушо пошел за ним.